

УДК 81'27:811.581

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код БАН 10.02.20

Н. Н. Воропаев
Москва, РоссияN. N. Voropaev
Moscow, Russia**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА
И ДРУГИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ****NAMES-PRECEDENTS
AND THE OTHER PRECEDENT PHENOMENA
IN THE CHINESE POLITICAL DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код БАН 10.02.20

Аннотация. Рассмотрены факты эксплуатации прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном политическом дискурсе.

Abstract. The article analyses the facts of usage of the names-precedents and the other precedent phenomena in the Chinese political discourse.

Ключевые слова: прецедентное имя; китайскоязычный политический дискурс; прецедентный текст; прецедентная ситуация; прецедентное высказывание; прецедентные феномены.

Key words: name-precedent; Chinese political discourse; text-precedent; situation-precedent; phrase-precedent; precedent phenomena.

Сведения об авторе: Воропаев Николай Николаевич, редактор Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

About the author: Voropaev Nikolay Nikolaevich, Editor of the Department of the East and South-East Asia Languages.

Место работы: Институт языкознания Российской академии наук.

Place of employment: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Контактная информация: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1, к. 42.

e-mail: tianyu@mail.ru; **site:** www.vokitai.ru.

В данной статье рассмотрены факты эксплуатации прецедентных имен (ПИ) и других прецедентных феноменов в китайскоязычном политическом дискурсе.

Под ПИ мы, вслед за В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и др., понимаем «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией» [Красных 2003: 197; Гудков 2003: 108].

Уточняя данное определение применительно к нашему исследованию, прецедентными именами китайскоязычного дискурса (КД) мы называем когнитивно и эмоционально значимые для всех социализированных носителей китайского языка индивидуальные имена и наименования широко известных в китайском лингвокультурном сообществе исторических и вымышленных личностей (персонажей), событий и единичных объектов материальной и духовной культуры Китая и всего глобального пространства.

ПИ — один из четырех прецедентных феноменов (ПФ), которые выделяют Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Е. А. Нахимова и др. исследователи. Кроме ПИ, к ПФ относят прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ). Все ПФ взаимосвязаны и актуализируют друг друга. ПФ являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, и хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений.

ПИ выражают ценностные ориентации лингвокультурного сообщества, входят в его язы-

ковой фонд, что отражается в различных словарях. Запас ПИ КД представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя китайского языка.

Т. В. Цивьян, говоря о модели мира, т. е. «сокращенном и упрощенном отображении всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятом в их системном и операционном аспекте» [Цивьян 1990: 5], подчеркивает, что она принципиально ориентирована «на мифологический прецедент, когда действительному историческому событию подыскивается прототип из мифологического прошлого» [Цивьян 1990: 19].

Полагаем, что важным понятием, связанным с феноменом ПИ, является миф. В современных научных представлениях миф можно интерпретировать как «упаковку», в которую укладываются данные непосредственной действительности [Лихачев 1999: 6]. Миф обусловлен как стремлением ввести новое, первичное в систему существующих представлений, так и созданием удобств в обращении со сложными системами знаний, то есть миф может выступать в роли алгебраического «заместителя сложных значений» [Лихачев 1999: 7—8]. Другое понимание мифа обнаруживается у А. Ф. Лосева: миф есть «развернутое Магическое Имя» [Лосев 1993: 15]. Миф — один из центральных феноменов в истории культуры и древнейший способ концептуального осмысления окружающей действительности и человеческой сущности. По результатам многочисленных исследований второй половины XX в. стала очевидна не только объяснительная, но и регулятивная

функция мифа. Миф удовлетворяет потребность в целостном знании о мире, обуславливает систему ценностных ориентиров, облегчает переживание стрессов, порождаемых критическими состояниями природы, общества, индивидуума.

Д. Б. Гудков замечает, что роль «мифологических прецедентов» играют национально детерминированные минимизированные представления, стоящие за ПФ. Одна из функций когнитивной базы, ядерными составляющими которой являются ПФ, — задавать некоторую парадигму поведения членов лингвокультурного сообщества. В этом отношении для современного человека когнитивная база играет роль, подобную роли мифологической системы в жизни традиционного сообщества. Различные исследователи мифа указывали, что одной из главных его функций является структурирование принятой в обществе парадигмы культурного (социального) поведения [Гудков 2003: 118].

По словам Э. Кассирера, «один из величайших парадоксов 20 века состоит в том, что миф, иррациональный по своей природе, рационализировался» [Cassirer 1979: 236]. Совместить миф и ratio (по крайней мере, на поверхностном уровне) позволяет история. Современный человек часто воспринимает себя и общество, в котором он живет, как продукт истории, результат исторического развития. Именно к истории обращается он в поисках ответов на волнующие его вопросы, относясь к ней как к мифу. Сегодня в истории ищут или объяснения того, что происходит в настоящее время, или ответа на вопрос, что нужно делать в будущем, находят в ней образцы поступков, которые следует/не следует совершать. Не случайно, что ПФ, связанные с историческими деятелями или событиями, занимают столь важное место в когнитивной базе лингвокультурного сообщества [Гудков 2003: 122]. В китайскоязычном дискурсе «традиция мифологизации исторических событий» имеет долгую историю [Софронов 1996: 114].

Характерно, что при попытке изменить культурную ориентацию лингвокультурного сообщества и социальное поведение его членов атака идет прежде всего на ПФ, входящие в когнитивную базу [Гудков 2003: 122—123]. Примерами такой атаки в китайском политическом дискурсе могут служить следующие события, произошедшие в Китае во второй половине XX в. Во время правления Мао Цзэдуна, в период Культурной революции, резко осуждению подверглась театральная пьеса, написанная У Ханем об одном древнем чиновнике, Хай Жуе, которого отлучили от занимаемого им поста за проявленное перед деспотическими властями бесстрашие. Мао Цзэдун поставил вопрос о критике У Ханя в сентябре-октябре 1965 г. на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, заявив, что «соль драмы» У Ханя «Разжалование Хай Жуя» — защита осужден-

ной «группы» Пэн Дэхуая (знаменитого маршала): автор в аллегорической форме якобы пытался изобразить Мао Цзэдуна императором Цзя Цинем, а Пэн Дэхуая — Хай Жуем.

В 1966 г. началась «великая пролетарская культурная революция», которую тогдашнее пекинское руководство охарактеризовало как самую важную из побед. Сигналом к началу «культурной революции», по свидетельству «Жэньминь жибао» (24.05.1967), явилась публикация статьи Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”» («Вэньхуэй бао», 10.11.1965) [Федоренко 1978: 24].

В 1974 г. вспыхнула очередная кампания «на всех уровнях» под девизом «критика Линь Бяо и Конфуция». И вот Линь Бяо (1908—1971, военачальник периода Культурной революции) и Конфуций оказались главными контрреволюционерами в Китае и во всем мире.

В сентябре 1975 г. началась кампания, проводимая под лозунгом обсуждения широко известного классического романа «Речные заводы», который был написан шесть веков назад. Яростная атака на Сун Цзяна, одного из ста восьми героев романа «Речные заводы», вышла далеко за рамки критики «капитулянтства» и приобрела важнейшее значение в борьбе за власть, охватившей высшие сферы китайского руководства. «Цель кампании против “Речных заводов”, — подчеркивала газета «Гуанмин жибао» (04.09.1975), — заключается в том, чтобы научить весь народ выявлять и узнавать сторонников капитулянтства и бороться с ними. Образ Сун Цзяна в “Речных заводах” — это прообраз капитулянта... Мы должны извлечь из этой книги необходимые уроки» [Федоренко 1978: 26].

Вообще на примере ПИ *Сун Цзян* явно видна реализация идеологической функции ПИ: инвариант восприятия ПИ *Сун Цзян* в КД на обыденном уровне среднего представителя китайского лингвокультурного сообщества, по опросам информантов, реализуется в виде прозвища Сун Цзяна, выраженного словесным клише 及时雨 — jishi yu ‘Благодатный дождь’ (букв. ‘своевременный дождь’; образно в значении «всем оказывает своевременную помощь или приносит спасение»). Однако ПС, к которой апеллировали политики Китая того времени, действительно в романе была. Она вербализуется так: «...как лидер повстанческой армии он, в конце концов, принял решение сдаться властям». Таким образом, в угоду политическим целям пекинские идеологи того времени сделали акцент на другое представление в семантической структуре ПИ *Сун Цзян*, которое в языковом, культурном, народном употреблении никогда не было актуальным в течение нескольких сотен лет циркуляции данного прецедентного текста и имени. После завершения Культурной революции это представление о Сун Цзяне, естественно, сразу же исчезло вместе с проводимым политическим курсом.

Замечателен также пример манипуляций с ПИ *Цинь Шихуан* в середине XX в. в Китае. Как писал в 1978 г. Н. Т. Федоренко, «в любом китайском учебнике до недавнего времени было написано, что Цинь Шихуан, правивший в Китае с 221 по 210 г. до н. э., был жесточайшим в истории императором. К этому периоду относится завершение в Китае процесса становления и укрепления централизованной государственной власти. Абсолютная монархия августейшего императора Цинь Шихуана достигла своего могущества. Укрепление централизованной власти совершалось ценой чудовищных репрессий. Именно в период его тирании классические памятники древнекитайской литературы и философии, связанные с конфуцианской традицией, были преданы анафеме и сожжены на кострах. Всем ученым того времени за попытку совместного обсуждения конфуцианских канонических сочинений угрожала смертная казнь. Более того, по истечении тридцати дней со дня обнародования эдикта, запрещающего еретические книги, всем, кто мог оказаться заподозренным в их хранении, грозило быть сосланным на “исправление” и “перевоспитание”, т. е. на принудительные работы по возведению Великой Китайской стены, сооружавшейся по повелению Цинь Шихуана. Сотни ученых были погребены заживо, как еретики, по указу императора, что породило столь же крылатое, сколь и злое выражение: “книги — в огонь, ученых — в яму”» [Федоренко 1978: 29—30].

Примечательно, что в изданном в 1949 г. сборнике народных песенок есть текст, в котором ПИ *Цинь Шихуан* использовано как идеологический инструмент борьбы с первым врагом Китая того периода Чан Кайши (ПИ *Чан Кайши* использовано в песенке в форме 老蒋 (lao Jiang) ‘почтенный Цзян’, где 老 (lao) — префикс перед названиями уважаемых лиц (часто также иронично или фамильярно); фамилия *Чан* и имя *Кайши*, варианты транскрибирования, принятые в русском языке, происходят от звучания иероглифов 蒋介石 (Jiang Jieshi) “Цзян Цзешу” на родном для него диалекте У — 吴语 (wu yu) ‘язык у’); приведем ее в нашем переводе:

昔日秦始皇,	Xiri Qin Shihuang,
今日有老蒋,	Jinri you lao Jiang,
秦家寿命短,	Qin jia shouming duan,
老蒋不得长。	Lao Jiang bu de chang.

[Zong 1949: 10].

Раньше был Цинь Шихуан,
А теперь «почтенный» Чан.
Циня век недолог был,
Чану тоже не зажитья.

Разительным образом переменялось в китайской печати отношение к Цинь Шихуану, когда он оказался воспетым в стихах Мао Цзэдуна. Из ненавистного еще вчера тирана Цинь Шихуан стал любимым героем. Едва ли не самую мрачную фигуру в истории Китая тогдаш-

ние пекинские идеологи принялись всячески облагораживать [Федоренко 1978: 30].

В марте 1959 г. известный поэт Го Можо стал зачинателем дискуссии о полководце Цао Цао (220—264), предлагая пересмотреть давно сложившееся отрицательное отношение к его деятельности (так же как и к деятельности иньского князя Чжоу-вана, первого китайского императора Цинь Шихуана и др.) и призывая историков объективно оценить то положительное, что было в историческом прошлом страны [Маркова 2004: 288]. Эти примеры ярко показывают аксиологичность прецедентных имен.

Новые идеи современного китайского общества и политики часто основаны на прецедентных феноменах, имеющих большой возраст. Вот что пишет по этому поводу известный российский китаевед Л. П. Переломов: «Из всех лидеров КПК наиболее признанным, и вполне обоснованно, знатоком канонов считался Мао Цзэдун. Если Мао Цзэдун использовал каноны в сугубо конкретных политических целях, то Дэн Сяопин подошел к тем же канонам более масштабно. Он сумел заимствовать из тех же конфуцианских канонических текстов именно то звено, за которое вытащил всю конфуцианскую цепь, необходимую для модернизации Китая. Введя первую социальную утопию Конфуция — “сяокан” (小康 xiao kang [средний] достаток’ или ‘малое благоденствие’), но уже в дополнительной трактовке Мэн-цзы, с упором на экономическую составляющую, в качестве символа модернизации, он тем самым вернул страну на конфуцианские цивилизационные рельсы, придав идее китайского социализма новый импульс не только теоретического, но и сугубо прагматического развития» [Переломов 1998: 10, 2005: 75].

Хотя с самого начала реформ и создания общества «сяокан» имя Конфуция в КНР не упоминается, в руководящих и научных кругах в КНР признается, что основы нового содержания в идеологему «сяокан» (малое благоденствие) внес Дэн Сяопин [Наумов 2005: 8].

«Величие Дэн Сяопина заключается в том, что он предоставил своим последователям широкие возможности для дальнейшего теоретического развития концепции “социализма с китайской спецификой”, но с учетом ценностей, заложенных в конфуцианских канонических текстах.

В начале 2001 года Цзян Цзэминь впервые призвал в управлении страной сочетать “принцип управления на основании закона” (“и фа чжи го”) с принципом “управлять на основе Дэ” (морали) (“и Дэ чжи го”). Конкретным воплощением этого принципа стала принятая в канун XVI съезда КПК «Программа укрепления норм гражданской морали». Из 40 пунктов Программы многие имеют прямое или косвенное отношение к конфуцианским ценностным ориентирам, некоторые из них претерпели существенное переосмысление.

В своих программных выступлениях Ху Цзиньтао, творчески развивая конфуцианскую составляющую в идеологии КНР, оперирует терминами из концепции “гуманного правления” Мэн-цзы, а также теории “породнения с народом” (“цинъ минъ”) из “Да Сюэ” («Великое учение», 2-я книга конфуцианского «Четверокнижия» — Н. В.) [Переломов 2005: 73].

«15 октября 2004 г. в Доме народных представителей в Пекине на Первой всекитайской конференции по подведению итогов внедрения в школах программы заучивания наизусть текстов из конфуцианских канонических канонов, выступая перед многочисленными делегатами, представлявшими не только все провинции Китая и 50 крупных городов, но и китайские диаспоры Юго-Восточной Азии и остальных частей мира, заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Сюй Цзяло сосредоточился на том, что в период глобализации, когда по всему миру идет процесс навязывания американских ценностей, единственным способом сохранения Китая и его цивилизации является воспитание молодежи в духе национальных духовных ценностей, которые сосредоточены именно в конфуцианских канонических текстах. Перед делегатами выступало несколько групп школьников, которые цитировали наизусть отрывки из прецедентных текстов КД “Лунь юй”, “Да Сюэ”, “Мэн-цзы”, “Чжун юн” (книги «Четверокнижия», первой части конфуцианского канона — Н. В.).

В настоящее время лидеры Коммунистической партии Китая и КНР восстанавливают на новом уровне традиционную систему образования, ибо именно в ней они видят одну из надежных гарантий воспитания подрастающего поколения в духе активных и сознательных строителей социализма с китайской спецификой» [Переломов 2005: 73].

Начиная с 2004 г. китайские теоретики часто используют понятие «мягкой силы» (*жуань шили*), подразумевающее использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах [http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2903211.html]. «Изначально идея опоры на “мягкую силу” (*soft power*) в международных делах была предложена в конце 1980-х годов Джозефом Наем (Joseph Nye), занимавшим в прошлом посты заместителя министра обороны и помощника Госсекретаря США. В его трактовке “мягкая сила” состоит в способности страны привлекать и убеждать, она вырастает из притягательности культуры, политических идеалов и политики. “Жесткая сила” как способность к принуждению или покупке оппонента за материальные блага вырастает из военной или экономической мощи страны» [Борох 2005: 35]. Как элементы «мягкой силы», которые в настоящее время применяет Китай, мы рассматриваем также ПИ. Например, ПИ Конфуций — 孔子 (Kongzi) избрано

для наименования образовательных центров китайского языка и культуры, 孔子学院 (Kongzi xueyuan) — Институтов Конфуция. На ноябрь 2009 г. в 88 странах мира было открыто 282 Института Конфуция и 272 учебных класса. При этом в США открыто 65 институтов и 182 учебных класса. В России работают всего 13 Институтов Конфуция (первый Институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 г. в столице Республики Корея Сеуле). В уставе Института Конфуция записано: «Институты Конфуция призваны удовлетворять потребности жителей любой страны мира в изучении китайского языка, способствовать росту понимания языка и культуры Китая во всем мире, укреплять сотрудничество Китая со странами мира в сфере культуры и образования, развивать дружественные отношения Китая с другими странами, способствовать поликультурному развитию мира и построению гармоничного мира» [http://www.hanban.edu.cn/]. Кураторами головной организации Институтов Конфуция — Государственной канцелярии руководящей группы по распространению китайского языка в мире (создана в 1987 г.) — являются министр образования, министр иностранных дел, министр культуры и другие политики и государственные деятели Китая.

Хотя Институт и носит имя великого китайского мыслителя древности, прямого отношения к пропаганде идей конфуцианства Институт Конфуция не имеет. Дело в том, что имя Конфуция в самом Китае часто ассоциируется с культурой, просвещением и образованностью вообще, а для иностранцев является символом традиционной китайской культуры и учености. Именно поэтому правительством КНР для серии образовательных центров китайского языка и культуры было выбрано такое название — Институт Конфуция.

Институт Конфуция организует следующие виды деятельности и мероприятия: преподавание китайского языка, подготовка и аттестация преподавателей китайского языка, поддержка научных исследований в области китаеведения, проведение научно-просветительских мероприятий, направленных на продвижение китайского языка и китайской культуры, и др.

ПИ *Шелковый путь* (丝绸之路 — *Sichou zhi lu*) задействовано китайскими политиками в построении глобальной модели экономического развития западных регионов Китая.

Как пишут исследователи, ускоренное экономическое, социальное и культурное развитие западных районов является одним из стратегических приоритетов Китая в XXI в. Многие специалисты не без оснований полагают, что от решения поставленных задач непосредственно зависит будущее страны. Выход обсуждения на уровень исторической перспективы неизбежно ставит вопрос и о ретроспективе. В качестве популярной модели развития используется комплексное понятие «Великого шелкового пути»,

который соединял Китай со странами Запада начиная с династии Ранняя Хань, а возможно и раньше. Этот образ оказывал несомненное воздействие на разработчиков суперпроекта Евразийского континентального моста. Как отмечал В. С. Мясников, «китайское руководство увязывает этот великий проект с впечатляющей концепцией будущего: создание внутриконтинентальной инфраструктурной сети означает начало новой эры цивилизации» [Мясников 1998: 3]. При этом предполагается, что, как и в древности, развитие коммуникаций станет и стимулом, и средством экономического подъема, культурного обмена и политической консолидации для тех регионов, по которым они будут проложены.

Особое внимание уделяется национальным окраинам Китая — Синьцзяну и Тибету (который планируется подключить к магистрали за счет строительства Цинхай-Тибетской железной дороги от Голмуда до Лхасы), где опережающее социально-экономическое развитие воспринимается как реальная альтернатива росту националистических настроений. Поэтому концепция «шелкового пути» приобретает значительную актуальность с позиций не только внешне-, но и внутривнутриполитических задач.

Как принято в Китае, на поставленные руководством задачи дружно откликнулось все научное сообщество, включая археологов, исследующих соответствующие территории и периоды. Разумеется, применительно к древности и средневековью речь идет не о поиске каких-то конкретных рецептов и ноу-хау, рекомендованных для непосредственного внедрения в практику (хотя, например, данные о древних дорогах учитываются геодезистами при прокладке современных трасс, а сведения о древних рудниках принимаются во внимание геологами при разведке новых месторождений). Прежде всего полученная обществоведами информация активно используется в пропагандистских материалах, а также — все больше — в коммерческой рекламе. И если сочетание «Сычоу чжи лу» (Шелковый путь) давно уже стало, пользуясь современным жаргоном, «раскрученным брендом», то в последние годы к нему добавляются в качестве узнаваемых и привлекательных марок и вывесок названия древних царств либо археологических и культурных памятников (*Дуньхуан, Цяньфодун, Шаньшань, Турфан, Крорайна* и др.). По образному выражению Лай Гуанлиня, «с началом функционирования нового шелкового пути древний шелковый путь, который переносил достижения древних цивилизаций и традиционную дружбу, вновь засиял ярким светом» [Комиссаров 2005: 90].

Еще один аспект, имеющий важное политическое и экономическое значение, — проведение международных экспедиций, которые в основном финансируются из внешних источников. Предварительная рекогносцировка была проведена в рамках обширной программы ЮНЕСКО

«Шелковый путь», главным спонсором которой, видимо не случайно, была корпорация «Тойота». В настоящее время на территории Синьцзяна работают две японские (Университета Васэда и Буддийского университета) группы — в Хами и в Ние соответственно, американская (Аризонского университета) — в предгорьях Куньлуна, французская — в долине реки Керия; еще одна американская экспедиция исследует буддийские памятники Западного Тибета, и т. д. В 2004 г. в районах Синьцзянского Алтая проведена первая китайско-американско-российская экспедиция, обнаружившая более 20 памятников эпохи палеолита. Во многих официальных публикациях нынешние успехи в международном научном сотрудничестве прямо сопоставляются с обширными внешними связями вдоль «Шелкового пути» в раннюю эпоху. Здесь же даются рекомендации на будущее — например, установление более тесных связей со странами Средней Азии, что соответствует установкам традиционной дипломатии и коммерции.

Таким образом, состояние археологии Северо-Западного Китая может служить своеобразным показателем, отражающим как комплексный подход, так и серьезность намерений пекинского руководства в ускоренном освоении этого региона. «Древность», реконструированная благодаря усилиям археологов, успешно адаптируется к задачам «современности» и, в свою очередь, использует новые возможности для раскрытия собственных закономерностей; диалектическое взаимодействие этих факторов способствует устойчивому развитию китайского общества [Комиссаров 2005: 89].

В своем смысловом содержании ПИ представляют культурно-историческую память, кристаллизованную в именах лиц, объектов, связанных с основными вехами развития страны. Создание нового и развитие современного Китая связано, например, с такими именами, как *Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь*. Эти ПИ актуализируют прецедентные (памятные, важные для нации) события (ситуации), которые аккредитованы в политическом дискурсе в виде устойчивых словосочетаний, словесных клише. Как справедливо отмечает Е. А. Нахимова, «на каждом этапе развития страны портреты ее прошлых руководителей в массовой коммуникации заметно преобразуются, на первый план выносятся то одни, то другие поступки, качества личности, детали биографии» [Нахимова 2010: 105].

Так, с ПИ *Мао Цзэдун* в КД связаны такие ПС и именующие их словесные клише, как *长征 (Chang zheng) 'Великий поход'* (Великий поход Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1934—1936 гг., т. е. переход коммунистов с юга на север, где, преодолев ужасные лишения и потеряв 90 % своего состава, Китайской Рабоче-Крестьянской Красной Армии все же удалось организовать новый Центральный советский район в провинции Шаньси), *大跃进 (Da yuejin)*

‘Большой скачок’, 文化大革命 (Wenhua da geming) ‘Великая культурная революция’. Инвариант восприятия ПИ *Мао Цзэдун*, представленный несколькими информантами — носителями языка, вербализуется как 新中国的创建者 (Xin Zhongguo de chuangjianzhe) ‘Создатель Нового Китая’. В предисловии к книге американского исследователя деятельности Мао Цзэдуна Росса Террилла, изданной в КНР на китайском языке, редакторы издания определяют Мао Цзэдуна следующим образом:

毛泽东是举世公认的20世纪最为重要的政治家、革命家和思想家之一，同时也是一位天才诗人 [Terrill 2006: 1]. Mao Zedong shi ju shi gong ren de 20 shiji zui wei zhongyao de zhengzhijia, gemingjia he sixiangjia zhi yi, tongshi ye shi yi wei tiancai shiren. ‘Мао Цзэдун — один из общепризнанных во всем мире важных политиков, революционеров и мыслителей XX столетия. Он также является талантливым поэтом’.

ПИ *Дэн Сяопин* всегда актуализирует в дискурсе такие прецедентные ситуации и высказывания, как 无论是白猫黑猫，抓住老鼠就是好猫 (wulun shi bai mao hei mao, zhuazhu laoshu jiu shi hao mao) ‘неважно, белая кошка или черная, лишь бы она мышей ловила’, 一国两制 (yi guo liang zhi) ‘одна страна — две системы’. Инвариант восприятия ПИ *Дэн Сяопин* в основном представлен устойчивым обозначением-дескрипцией 改革的奠基人 (gaige de dianjiren) ‘основоположник китайских реформ’ (вариант: 中国改革开放的总设计师 (Zhongguo gaige kaifang de zong shejishi) ‘главный архитектор китайских реформ’). Второй вариант, кстати, впервые прозвучал из уст бывшего секретаря ООН Кофи Аннана. Вот как известный китайский экономист, специалист по людским ресурсам профессор Народного университета Китая Пэн Цзяньфэн использует в своей статье имя *Дэн Сяопин* и связанные с ним ПС:

第二，乐观和坚韧是领导者扭转困境、走向成功的关键。

第三，伟大的领导者还要抱有务实的态度和求实的精神。同时怀抱乐观和务实的态度是不容易的。乐观易于使人盲目，而面对困境的现实又使人容易沮丧，能够将乐观、坚韧和务实的态度结合起来是逆境中领导力能够发挥作用的关键所在。

我们敬仰的邓小平正是兼具这些特质的杰出领袖的典范。他一生中曾三落三起，却始终保持坚韧和乐观，成为人们眼中“永远打不倒的人”。作为“中国改革开放的总设计师”，他提出的“让一部分人先富起来”、“一国两制”、“韬光养晦”等一系列切实的原则，让中国在经济、政治和外交上赢得了发展的机遇和空间。

«Во-вторых, оптимизм, непреклонность и стойкость руководителя являются ключевыми элементами для выхода из тупика и движения к успеху.

В-третьих, великие руководители должны еще придерживаться прагматичного отношения и делового подхода. Однако быть преисполненным чувства оптимизма и деловитости не легко. Оптимизм легко может ослепить человека и заставить действовать его наобум, а реальность тяжелого безвыходного положения может легко заставить человека упасть духом. Именно способность соединить оптимизм, стойкость и прагматичное деловое отношение является ключевым моментом того, что руководящие способности в неблагоприятных условиях могут сыграть свою роль.

Дэн Сяопин, перед которым мы благогоуем и преклоняемся, является как раз примером выдающегося лидера, сочетающего в себе все эти особые качества. За свою жизнь он три раза падал и три раза поднимался, но всегда сохранял стойкость и оптимизм, и в глазах людей стал “непобедимым человеком”. Будучи “главным архитектором китайских реформ”, он выдвинул серию насущных принципов, такие как “пусть сначала разбогатеет часть людей”, “одна страна — две системы”, “до поры скрывать свои таланты, скромно держаться в тени” и другие с тем, чтобы Китай в сфере экономики, политики и международных отношений добился шанса и пространства для своего развития» [Peng 2009: 2].

С ПИ *Цзянь Цзэминь* связана ПС, которая вербально в дискурсе представлена словесным клише 三个代表 (san ge daibiao) ‘тройное представительство’: «“Тройное представительство” — это лозунг, выдвинутый Цзянь Цзэмином в 2000 г. — 1. КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества; 2. КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры; 3. КПК представляет самые коренные интересы китайского народа (букв. Тройное представительство)» [Буров, Семенас 2007: 432—433]. Основной политический смысл этой ситуации заключается в том, что частным предпринимателям, владельцам бизнеса было разрешено вступать в коммунистическую партию, и так была проведена корректировка принципа классовости.

Таким образом, можно резюмировать, что прецедентные имена и другие прецедентные феномены являются важнейшей составляющей частью китайского язычного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Большая инвентаризация реальной мощи: множество блестящих успехов в развитии экономики за 55 лет с момента основания Нового Китая // Торгово-экономический вестник Китая. URL: <http://www.people.com.cn/GB/jingji/1037/2903211.html> (дата обращения: 27.12.2010).

Борох О. Н. Опыт экономических реформ как компонент «мягкой силы» Китая // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сентября 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 1. С. 35—38.

Буров В. Г., Семенов А. Л. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. — М.: Восточная книга, 2007.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Комиссаров С. А. Археология северо-западного Китая в контексте программы освоения западных районов КНР // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сентября 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 2. С. 89—92.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. — СПб., 1999.

Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. — М., 1993.

Маркова С. Д. Китайская интеллигенция на изломах XX в.: (очерки выживания). — М.: Гуманитарий, 2004.

Мясников В. С. Евразийский континентальный мост — проект XXI в. // Информац. мат-лы ИДВ РАН. Сер. «Междунар. отношения стран Северо-Восточной Азии». М., 1998. Вып. 5. С. 3.

Наумов И. Н. Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сент. 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 1. С. 8—13.

Нахимов Е. А. Мифология *Александр Невский* в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33).

Официальный сайт Государственной канцелярии руководящей группы по распространению китайского языка в мире. URL: <http://www.hanban.edu.cn/> (дата обращения: 27.12.2010).

Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. — М.: Восточная литература; РАН, 1998.

Переломов Л. С. Лидеры КПК и конфуцианские канонические тексты (Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао) // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: тез. докл. 15 Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 27—29 сент. 2005). — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005. Ч. 2. С. 73—76.

Софронов М. В. Введение в китайский язык. — М.: ИД Муравей, 1996.

Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. — М.: Наука, 1978.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990.

Cassirer E. Symbol, myth and culture. — New Haven and London, 1979.

Peng Jianfeng = 彭剑锋 = Пэн Цзяньфэн. 逆境中打造中国中小企业领导力 = Nijing zhong dazao Zhongguo zhong xiao qiye lingdaoli = В неблагоприятных условиях выработать руководящие способности средних и малых предприятий Китая. 2009. URL: www.cqvip.com/qk/90435A/200836/29467069.htm (дата обращения: 27.12.2010).

Terrill Ross = 罗斯·特里尔 = Росс Тэррилл. 毛泽东传 (插图本) = Mao Zedong zhuan (chaturben) = Биография Мао Цзэдуна (издание с иллюстрациями) // (美) 特里尔著; 胡为雄, 郑玉臣译 = (Mei) Telier zhu; Hu Weihong, Zheng Yuchen yi = (США) Пер. на кит. яз. Ху Вэйсюна и Чжэн Юйчэня. — Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2006 nian = Пекин, 2006.

Zong Xian. 见了毛主席请个安. 民谣. 宗先编, 梁新稼 画. 东北 新华书店出版, 1949年. = Jianle Mao zhuxi qing ge an. Zong Xian bian, Liang Xinjia hua. — Dongbei Xinhua shudian chuban, 1949 nian. = «Если встретите председателя Мао, то передайте ему привет». Народные песенки [частушки]. / Сост. Цзун Сянь, рисунки Лян Синьця. 1949.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и К. В. Антонян (Институт языкознания РАН)